

Школа Венецианова как живописное крестьяноведение

Рецензия на книгу: Алексей Венецианов. Пространство. Свет. Тишина. М.: ГТГ, 2021.

Е. С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-185-190

Эта книга-альбом, состоящая из искусствоведческих статей и иллюстраций, представляет собой глубокий и подробный комментарий-исследование обширной выставки художественных произведений А. Г. Венецианова, его учеников и коллег, открывшейся в Третьяковской картинной галерее в Москве осенью 2021 года.

С точки зрения эстетики и искусствоведения книга помогает постичь уникальность мастерства венециановской школы, связанного прежде всего с особым искусством воспроизведения пространства, света и тишины на живописных полотнах, отражающих удивительную атмосферу покоя и умиротворенности в ландшафтах сельской жизни крестьян и интерьерах помещичьих усадеб первой половины XIX века. Вместе с тем в ней отражена и важнейшая социокультурная составляющая венециановского наследия, связанного с открытием, введением в русскую живопись темы крестьянской жизни в труде, на отдыхе, в праздниках, семье и просто в уединенном раздумье. Этому глубоко оригинальному венециановскому крестьяноведению хотелось бы прежде всего посвятить данную рецензию.

Книга открывается обширной статьей С. С. Степановой, представляющей собой подробный биографический очерк жизни и творчества художника А. Г. Венецианова на фоне основных событий в общественной и художественной жизни России первой половины XIX столетия. Автор статьи сразу же дает чрезвычайно емкую и точную характеристику главному герою: «Художник эпохи романтизма Алексей Гаврилович Венецианов — один из самых светлых и гармоничных мастеров отечественного искусства. Во времена крепостного права он открыл в русском крестьянстве особый мир, достойный глубокого уважения и любви, таящий в себе источник вдохновения и эстетических переживаний. Уникальность его лич-

ности не только в оригинальности его творческого лица, но и в подлинном гуманизме просветительских начинаний» (с. 8).

Далее мы узнаем, что Венецианов (1780–1847) был выходцем из семьи московского купца 2-й гильдии, после окончания учебы в одном из московских частных пансионов работал чертежником и помощником землемера. Перебравшись в Петербург в 1802 году, он совмещал работу в канцелярии различных учреждений с написанием портретов на заказ, обучением у знаменитого художника В. Л. Боровиковского, копированием в Эрмитаже старых мастеров. Между прочим, юный Венецианов по-видимому не отличался таким уж умиротворенным характером, какой был присущ Венецианову позднему, свидетельством чему — начало его художественной карьеры с создания «Журнала карикатур». В нем предполагалась публикация гротескных офортов художника, сатирически бичующих пороки окружающей действительности. Впрочем, этот издательский проект погиб в самом начале: венециановская гравюра «Вельможа» (1807) вызвала неудовольствие императора Александра I, после чего журнал был закрыт. Надо отметить, что и после этого Венецианов не прекратил работать в жанре карикатуры, но при способляясь к событиям своего времени в эпоху наполеоновских войн, он обратился к политической карикатуре, высмеивая французского императора и его армию, а также моду на французское образование в высших слоях российского общества. Тем временем неуклонно возрастало мастерство Венецианова как живописца, чему свидетельствует присуждение ему звания «назначенного» в академии после предоставления им своей работы «Автопортрет» (1811) в Совет Императорской Академии художеств. В 1815 году Венецианов женился на дворянке Марфе Афанасьевне Азарьевой и вскоре стал помещиком сельца Трониха с прилегающими к нему деревнями Сафонково, Сливнево, Максиха, Микашиха в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. С тех пор и до конца своей жизни Венецианов был погружен в повседневную хозяйственную деятельность по управлению своим поместьем, хотя продолжает и свои живописные занятия. Будучи уже зрелым художником, основательно вникнувшим в особенности повседневного крестьянского и помещичьего быта, Венецианов открывает мир крестьянской жизни в изобразительном искусстве (картины «Очищение свеклы» и «Гумно» (1822)). В 1824 году состоялась выставка именно «крестьянских» работ художника, вызвавшая в петербургском обществе разнообразные положительные отклики. Вскоре император Николай I и его супруга удостоили Венецианова своим вниманием и подарками, а в 1830 году ему было присвоено звание придворного живописца. Венецианов к тому времени безусловно становится ведущим российским живописцем российского крестьянства.

С. С. Степанова отмечает: «Прекрасно знавший своих героев, многие из которых были его собственными крепостными, Венецианов вывел крестьянские типы и сюжеты из сферы сугубо бытопи-

сательной в сферу художественной образности» (с. 21). Крестьяне Венецианова — люди серьезные, вдумчивые, часто их лица выражают какую-то сосредоточенную озабоченность, но как пронзительно отмечает М. М. Алленов: «...это не грусть и не меланхолия — спутники праздности. Это неизбежное тайное печалование людей, не знающих праздности, которым вверена самая насущная людская забота — радение о земле. В ней — этос крестьянской жизни, родственной материнской заботливости»¹. Венецианов творил в эпоху романтизма, но в своем творчестве он избегал откровенной эмоциональности.

Конечно, рождение живописного «венециановского крестьяноведения» не было случайным. В это же время открытие мира крестьянства происходило и в других сферах искусства России. Например, в 1820-е годы обретают популярность в обществе поэты-крестьяне Ф. Н. Слепушкин, Е. И. Алипанов, М. Д. Суханов, а вскоре проявится и выдающийся талант поэта А. В. Кольцова. С этого времени крестьянство становится предметом постоянного размышления и изображения в русском искусстве, свидетельствуя чему замечательные крестьянские сюжеты и герои в произведениях А. С. Пушкина.

Как отмечает С. С. Степанова, по характеру и форме изображения крестьян творения Венецианова можно было бы объединить в несколько групп: опоэтизированные образы крестьян с элементами пейзажа; композиции с обнаженной натурой; изображения с метафорическим подтекстом. Из последних, пожалуй, самая знаменитая картина — «На пашне. Весна», где героиня не только крестьянка, но одновременно и Флора — богиня весеннего цветения, возвышенной красоты. Впрочем, «аллегоризм, таящийся в его полотнах, лишен узости классической эмблематики или конкретности смысла масонских знаков» (с. 30). Венецианову в значительной степени присущ «романтический принцип свободных ассоциаций» (Там же).

Чрезвычайно много в этой книге-альбоме высококачественных иллюстраций работ Венецианова и его учеников, запечатлевших самые разные поколения крестьян и крестьянок в их повседневных заботах. Тут и крестьянки-матери с младенцами, дети-крестьяне, играющие или уже старающиеся помогать в труде взрослым, крестьянская молодежь, степенные пожилые крестьяне и крестьянки и, наконец, крестьянские старики и старухи. Кроме портретных и жанровых изображений в альбоме представлено и много замечательных ландшафтных и интерьерных работ венециановской школы. Практически каждая иллюстрация снабжена информативным комментарием.

1. Алленов М. М. (1984). Образ пространства в живописи а la Натура: к вопросу о природе венециановского жанризма // Советское искусствознание 83. Том. 1. М.: Советский художник. С. 130.

Венецианов занимался не только изображением крестьян как художник, но как хозяин в своем поместье он стремился соответствовать идеалу «просвещенного земледельца» Н. М. Карамзина². Степанова отмечает: «Он хорошо знал земледелие, на практике изучая агрономию. Так, для того чтобы сделать свою безлесную и безводную землю более плодородной, несколько лет занимался мелиорацией, выкапывая пруды и прокладывая канавки» (с. 26). Много внимания Венецианов уделял заботам о просвещении и благосостоянии своих крестьян, чему свидетельствуют воспоминания его дочери: «Всем крестьянам своим старался давать понятия о различных ремеслах... Крестьяне наши папеньку очень любили, и он заботился об них, как отец. У нас самый из бедных мужиков имел двух лошадей, но большей частью по четыре или по шесть, рогатого скота у них тоже было довольно, постройки все порядочные у всех по деревне. Он всегда входил в их нужды, стараясь обо всем, что клонилось для пользы их благосостояния и дохода»³.

В последнее десятилетие своей жизни в Сафонкове Венецианов открыл школу для крестьянских детей, больницу. А в борьбе с бедствиями неурожайных лет Венецианов создал «мирской магазин» — хлебное хранилище для продовольственной помощи голодающим крестьянам.

Наконец, поддерживая и раскрывая молодые дарования, Венецианов в своем поместье организовал целую художественную школу. Ее выпускниками стали такие известные продолжатели крестьянской темы в изобразительном искусстве, как А. В. Тыранов, А. Г. Денисов, Н. С. Крылов, К. А. Зеленцов, Ф. М. Славянский, Е. Ф. Крендовский, Л. К. Плахов. Творчеству этих художников в книге посвящен отдельный раздел с многочисленными иллюстрациями.

Школа Венецианова была исключительно его частным проектом и потому в конце 1830-х годов из-за финансовых затруднений она пришла в упадок. Венецианов пытался наладить связи с Академией художеств, добиться государственной поддержки для своего детища. В своих автобиографических записках он с горечью мечтал о себе в третьем лице: «Но ежели бы Венецианов был профессором в Академии и имел под своим ведением учеников... и вел бы их по своей методе, будучи обеспечен профессорским жалованием и квартирой...»⁴ Еще через десятилетие, незадолго до своей смерти, размышляя над судьбами учеников, которые благодаря ему стали художниками, Венецианов в сомнении писал: «...как будто судьба решилась мне отказывать в собственных моих желаниях и надоб-

2. Карамзин Н. М. (1991). Нечто о науках, искусствах и просвещении // Наше наследие. № 1. С. 8.

3. Алексей Гаврилович Венецианов (1980). Статьи. Письма. Современники о художнике. М.: Искусство. С. 229.

4. Там же. С. 48.

ностях для того, чтобы отместить мне за какую-нибудь полсотню людей, сведенных с пути, рождением назначенного. Может быть, Тыранов, Заряно — с аршинами, Михайлов, Славянский, Алексеев и проч. с сохами и топорами гораздо счастливее, беззаботнее бы были, нежели теперь с кистями их. Здесь я завидую последнему из моих крестьян в том, как ему немного надобно для обеспечения счастья и — теперь, в святки, с каким полным наивным удовольствием он скачет, навыворот шубу, в соломенной шапке, под звуки бабьих песен и гармоники»⁵.

Впрочем, несмотря на изначальные трудности вхождения венециановских воспитанников в профессию живописца, их взрослые карьеры сложились по-разному и некоторые достаточно успешно реализовали себя, получили академическое признание, как, например, М. С. Эрасси (1823–1898), учившийся в Сафонкове в 1840-е годы, уже в 1857 году удостоенный звания академика живописи, затем живший и работавший в Ницце и Берлине. Но у большинства воспитанников Венецианова жизнь все же оказалась драматически нелегкой. Например, А. В. Тыранов (1808–1859), хотя и получивший звание академика портретной живописи, живший и работавший в Италии, вернувшись в Санкт-Петербург, заболел психическим расстройством и в конце концов скончался в бедности от чахотки в Кашине.

Пожалуй, самой трагической оказалась судьба любимого венециановского ученика Григория Васильевича Сороки (1823–1864). Ему в этой книге также посвящен отдельный раздел. Сорока был крепостным у богатого тверского помещика П. И. Милюкова — соседа и друга Венецианова. С детства Сорока проявлял замечательные способности к рисованию, видя это, Милюков отдал мальчика в обучение живописи в школу Венецианова. К тому времени, когда Сорока стал уже достаточно самостоятельным художником, Милюков вытребовал его обратно в свое поместье, назначив художника садовником и иногда поручая ему писание видов своего имения, а также портретов домочадцев. Напрасно Венецианов доказывал своему другу и соседу, что Сорока обладает крупным художественным даром, ему необходимо предоставить вольную, чтобы до конца могла реализоваться его творческая натура. Несмотря на все уговоры, и не только со стороны Венецианова, Милюков оставался непреклонным до тех самых пор, пока Сороку, да и всех милюковских крестьян не освободил Манифест 1861 года. К тому времени Сорока создал замечательные пейзажи окрестностей Островков — имения Милюкова, а также глубоко психологические портреты членов семейства Милюкова. Эта живопись, полная человеческого достоинства и гармонии, словно подтверждает знаменитое изречение Шиллера: «И в цепях закованный свободным может оставаться человек». К 1864 году милюковские крестьяне обнаружили, что под-

5. Там же. С. 49.

писанный с их помещиком договор о выкупе земельных угодий оказался чрезвычайно несправедливым. Тягостные условия договора вызвали волнения среди них. Активным выразителем этих крестьянских выступлений против Милюкова стал Сорока. Он был арестован, отдан под суд, приговоривший его к телесному наказанию. Накануне исполнения приговора Сорока покончил с собой.

Венецианова и его учеников порой упрекали в излишней благонамеренности и аполитичности их творчества, идеализации жизни и быта крестьянства, в действительности задавленного крепостной зависимостью и нуждой. Но прежде всего мы должны помнить, что именно школа Венецианова пробудила великий экзистенциальный интерес к жизни крестьянства, впервые были созданы глубоко психологические портреты крестьян и крестьянок как человеческих личностей. Художники школы Венецианова запечатлели в своих пейзажах самые трогательные, сокровенные особенности крестьянских и помещичьих ландшафтов.

Чувство так и неразрешимого противоречия от созерцания живописной гармонии картин школы Венецианова и дисгармонии крепостнических отношений, в условиях которых все же сформировалась и расцвела эта школа, своеобразно передают заключительные строчки этой замечательной книги, посвященные творчеству Сороки: «Замедленность ритмов жизни, наполняющей эти пейзажи, рождает чувство благодатного покоя, разлитого в природе, чей образ отрешен от обыденности, несмотря на конкретность запечатленных видов и включение в них жанров сцен. Но осознание того, что автором этих поразительно гармоничных полотен был крепостной, освобождения которого так и не смог добиться Венецианов, приносит в их восприятие невыразимо щемящую ноту затаенной печали» (с. 225).

Venetsianov's school as pictorial peasant studies

Review of the book: Alexey Venetsianov. Space. Light. Silence. Moscow: GTG, 2021.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru.